

Распутин Валентин Григорьевич

14-20.03.94.

БОЛЬ ЗА РОССИЮ

Завтра Валентину Распутину, замечательному русскому писателю, исполняется 60 лет. «Деньги для Марии», «Живи и помни», «Прощание с Матерой», «Пожар» — эти и другие его произведения стали значительными событиями современной отечественной литературы. Его

творчество оказывает влияние на всю общественную жизнь, являясь ярким фактом нашей духовной биографии. Сегодня своего собрата по перу поздравляют лауреат Нобелевской премии Александр Солженицын и оренбургский писатель Петр Краснов.

Дорогой Валентин Григорьевич!

Сердечно поздравляю Вас с Вашим шестидесятилетием!

Многие годы с теплым сочувствием следил я, издали, за Вашим появлением в русской прозе, затем уверенным органичным развитием в ней — со своими смелыми темами, чутким отзывом на современность и на наши, нередко губительные, пути в ней. Вы интимно пристальны к душевному состоянию. А чувство русского языка у Вас — дыхательное: Вы естественно дышите всем его изобилием и сохраняете нам его в пору, когда русские люди уже перестают свой язык ощущать, небрежно теряют его. И подобно же этому свободно дышите Вы и русским пейзажем — особенно сибирским, Вашей неохватной «малой Родиной».

Делю Вашу щемящую тревогу за духовное и нравственное состояние нынешнего русского народа и

само выживание его. Правители, объятые алчным властолюбием либо ненасытным обогащением, думают об этом менее всего. Не смущайтесь и тем, что Ваши общественные выступления вызвали поток политической грязной брани по закупленному эфиру, от ничтожных людей, ищущих вовсе не сохранения России, да часто и живущих вне ее.

После изжитых нами грозных десятилетий — наступившее время еще по-новому мерзко и мрачно для всех нас. И уже не хватает нашего прозора в будущее, а лишь — как Бог даст. Остается только прилагать доступные нам скромные наши усилия.

Всем сердцем желаю Вам новых удач в Ваших следующих литературных шагах.

Надеюсь еще не раз повидать вас.

Обнимаю Вас дружно.

Ваш Александр СОЛЖЕНИЦЫН.

Фото Павла КРИВЦОВА.

ПИСАТЕЛЬСКОЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Малоотраднo бытие русских писателей и читателей сейчас, в нынешней-то суете и бытовухе, в «выживании», которое заменило многим осмысленную, целеполагающую жизнь.

Когда-то, в начале нашего жестокого века, в самый разгар столь восхваляемого ныне «русского декаданса» (в переводе с французского — «упадка»), среди торжествовавшего тогда околокультурного бедлама Чехову грело душу уже одно то, что живет, работает где-то в Ясной Поляне или в хамовнической городской усадьбе своей Лев Толстой...

Для многих в шестидесятые тем же был Твардовский. Один известный писатель даже написал как-то, что с уходом Твардовского «многое многим стало не стыдно».

Мое поколение пишущих, начинавших в семидесятые, знало, что есть Шолохов. Редко где появлявшийся, тем более выступавший, мудро знавший, казалось, все наши беды наперед, он был недосыгаемый в эпической своей, художественной высоте, но вместе с тем человечески простой и доступный, стоило только руку протянуть к книжной полке...

И я знаю, такой опорой души для большинства провинциальных и, смею думать, столичных русских писателей сегодня, в пору всяческого расщепления культуры и злосчастного нашего российского социума, является Валентин Распутин.

Его духовный, нравственный авторитет рос и

продолжает расти как ровный, надежный свет в сгущающейся день ото дня тьме. Это незаемное значение, как сейчас видится, приобреталось всю жизнь писателя: художественной полнотой и страстностью его книг, верностью высшим интересам народа своего, заветам предков — всем тем, что Пришвин называл «творческим поведением». Тем, что ни слова лжи не написал, не сказал никогда людям; а когда выступал — много раз был тому свидетелем — на съездах ли, пленумах писательских, с совершенным бесстрашием отстаивая перед кем бы то ни было свои убеждения, то неизменно поворачивал примолкавшее сразу собрание к главному, духовно насытому для всей нашей, а не только писательской жизни, заставляя поналезших в президиум лукавцев от власти судорожно замарать...

Я видел его с серым от многомесячной усталости лицом, когда он и депутатом Верховного Совета был, еще союзного, и членом Президентского Совета, не говоря уж о писательских наших, секретарских и прочих нагрузках. Распутин пошел тогда в Президентский Совет — не мог не пойти лишь ради общекультурного дела в стране. И успел как никто другой сделать многое — от передачи Церкви ряда святых для нас храмов и монастырей до решения части экологических проблем, тех же байкальских.

И не знаю никого другого, в ком так просто и глубоко совпадало бы человеческое и писательское,

как в Валентине Распутине. Удивительное и нечастое это совпадение — внутреннего нравственного содержания и того, что им написано, отдано людям, когда человеку можно так же доверять, как и писателю, и наоборот. И при встречах наших — не таких частых теперь, как хотелось бы, — ждешь и всегда встречаешь теплоту эту сдержанную глаз, всегдашнее внимание к тебе, другому человеку, эту не подчеркнутую ничем, а самую что ни на есть естественную скромность, негромкость природную... И только тогда понимаешь сполна, как этого не хватает сейчас между людьми, между всеми нами.

Распутин есть, с нами. Товарищ наш, внимательнейший читатель, которого мы сами читаем в первую очередь, прежде всего: что он думает, о чем и как сказал? Современник наш, кто своим примером научил не бояться отверстого, немереного, продуваемого злыми ветрами поля родной нашей истории, страшных, но и увлекающих высот русского Космоса — и, к слову сказать, салонных упреков в провинциализме. Кто «провинция» — вологодский Белов, краснодарский Лихоносов, псковский Курбатов? И мы — с усмешкой — знаем, что если есть где «литературная провинция», то она только не в русской глубине, какую невежды пытаются с пренебрежением называть «глубинкой». Мы есть и будем.

Петр КРАСНОВ.

ОРЕНБУРГ.

Труд. - 1997 - 14-20 марта, - с. 4